

РЕЦЕНЗИИ

Peruzzi E. Mycencans in early Latium. With archeological appendix by L. Vagnetti. — Roma: Edizioni dell' Ateneo e Bizzari, 1980. 184 p. + 12 p. ill.

Более полутора десятков лет работает над серией исследований по этно- и глоттогенезу древнего Лациума известный итальянский лингвист-антиковед Э. Перуцци. Две его монографии [1, 2] стали заметным явлением в италистике¹. Одна из проблем, постоянно привлекающих внимание Э. Перуцци, — проблема южной границы в истории греко-латинских контактов и возможность знакомства обитателей Лациума с достижениями микенской культуры путем непосредственных контактов с ее носителями, проникшими на территорию будущего Рима в конце микенской эпохи.

Этой проблеме посвящена новая книга Э. Перуцци, во многом вырастающая из главы «Аркадские культы на Палатине» предыдущей монографии [2, с. 7—52] и в то же время подводящая итог ряду статей автора [5—14]. Э. Перуцци вынужден признать (с. 4), что микенские находки в Лациуме, на которые в свое время возлагались большие надежды [14, с. 104], оказались слишком малозначительными. Это подтверждается составленным Л. Ваньетти приложением «Микенский импорт в Центральной Италии» (с. 151—167). С одной стороны, Э. Перуцци вполне оправданно стремится перенести центр тяжести на лингвистические изыскания, с другой — он признает за легендарно-мифологической традицией безусловную ценность исторического свидетельства. Согласно его концепции, «чисто лингвистические корреспонденции скорее ставят проблему, чем обеспечивают доказательство. Чтобы была возможна проверка, отдельный элемент... должен входить в набор однородных лингвистических элементов (т. е. принадлежащих к тому же семантическому полю или обнаруживающих то же самое необычное звуковое развитие), а также должен соответствовать определенной культурной картине, которая в настоящее время создается скорее древней традицией (разрядка наша. — Г. Л., Д. В.), чем малочисленными и сомнительными черепками (sherds), выкопанными в Лациуме» (с. 4).

Таким путем Э. Перуцци стремится выделить слой микенских заимствований в латыни. В качестве традиции, отражающей раннее проникновение микенцев в Лациум, рассматривается предание об аркадянце Эвандре, который, напутствуемый своей матерью-пророчицей

Карментой, якобы еще до Троянской войны основал греческое поселение на Палатине. По преданию, греки познакомили латинян с изготовлением новых видов оружия, с новой техникой строительства жилищ, выделки тканей, обработки земли. Они принесли с собой культ волчьего божества Ликейского Пана, отождествленного ими с местным царем Фавном, гостеприимно принявшим пришельцев на италийской земле, и учредили в его честь праздник Луперкалий. Интерпретации легенды посвящена глава I «Античные источники» (с. 1—32).

В главе II «Лингвистические критерии» (с. 33—56) Э. Перуцци показывает, что в латинском языке существует ряд слов, которые, будучи, по его мнению, заимствованы из греческого, отличаются следующими фонетическими особенностями: 1) начальное π передается через b [πυζος «самшит», мик. *pu-ko-so* > *butis* «то же»; παλτον «дротик», мик. *pa-ta-ja* (= παλταια) «дротики» > *balteum*, вар. *balteus* «перевязь», в том числе «перевязь колчана»]; 2) ϕ в начале слова передается не через p , как обычно (Φίλιππος > *Pilippus*, σφιγκτηρ «повязка» > *spinter* «запязстье»), а через f (σφίδες «струны» > *fides* «то же»). Эта особенность, по мнению Э. Перуцци, объясняется наличием как в греческом, так и в протолатинском (в начальной позиции) глухого придыхательного * ph (давшего в латинском спирант f); 3) начальные сочетания $s +$ смычный (в том числе смычный придыхательный) замещаются простым смычным или спирантом f [σφίδες > *fides*; στύπος, вар. στύπη «ствол, жердь» > *tubus*, вар. *tuba* «труба»; σκάφς, -ίδος «миска, подойник» > *capis*, -*idis*, «чаша», умбр. *kapif* «то же», сюда же глосса σκάφαλος ἀντήτηρ «сосуд для вычерпывания воды» (Hes.), мик. *to-sa ka-ra-ra* «столько-то сосудов» > *capula* «чашка, черпалов»].

В следующем разделе книги Э. Перуцци дает полный список предполагаемых им микенских заимствований, объединяя их соответственно античной традиции в лексические группы.

«Оружие» (гл. III, с. 57—68): *cuspis*, -*idis* «острие» ~ греч. ξίφος «меч», мик. *gi-si-pe* «то же»; в анлауте микенского и латинского слов отражен лабиовелярный, отсутствующий в позднейшем греческом; передача ϕ через p объясняется сабинским посредничеством (с учетом фонетических соответствий типа лат. *albus* «белый», умбр. *alju*, саб. *alpus* «то же» < **albho-*) (с. 58—60), (мнение Э. Перуц-

¹ См. развернутые рецензии на эти работы в отечественной периодике [3, 4].

ци о роли сабинского элемента в латинском языке и культуре см. [2, с. 53—78, 161—175]; *balteum* (с. 60—63; см. выше); *brattea*, вар. *bractea* «тонкая металлическая пластинка» ~ мик. *pa-ga-ke-te-a*, вид металлических изделий, над которыми работали кузнецы, называвшиеся *pa-ga-ke-te-we* (с. 63—67).

«Строительство» (гл. IV, с. 69—83): *fenestra*, вар. *festra* «окно» сопоставляется с *φαιστήρ* «окно» или «светильник» в надписи из Эпидавра и с *φωστήρ* *θυρίς* «окошко» (Hes.); микенское соответствие отсутствует (с. 74—76); *furca*, вар. *fursula* «раздвоенная жердь» ~ *φόρξες* *χάρακες* «жердь» (Hes.) (с. 72); *trabs* «брус, балка» ~ *τράχη* «брус, конь, жердь», *τράπη* «конь», *τρίσχη* «шест, столб» (с. 77—78); в обоих предыдущих случаях микенское соответствие также отсутствует; *clavis* «ключ»: Э. Перуцци вслед за Дж. Чэдвиком (15, с. 551) считает заимствованием из микенского, где известна форма *ka-ta-wi-ro-ro* «ключенец», тогда как в позднейших греческих диалектах эта основа представлена лишь с расширениями: дор. *κλαίς*, *-ίδος*, *κλῆξ*, *-ικός*, ион. *κλήϊς*, *-ίδος*; связь с *clavus* «гвоздь» отвергается на том основании, что древнейшим латинским строением было якобы чуждо уплотнение гласной в качестве дверного затвора (с. 78—81; специально см. [11]).

«Ткани (и прочие детали одежды)» (гл. V, с. 85—94): *τίβειννα*, вар. *τίβειννα* — греческое название этрусской и римской тоги, также обозначение какого-то древнего вида одежды в Аргосе (Poll. 7, 61), сопоставляется с мик. *te-pa*, названием одежды из шерсти; латинское соответствие отсутствует (с. 86—90; специально см. [9]); *linum* «лен» выводится из греч.

λίνο мик. *ri-no* «то же», причем удлиненное гласное объясняется контаминацией с *λῖς*, *λίτός* «льняная ткань», мик. *ri-ta pa-we-a* «льняная одежда»; той же контаминацией объясняется форма прилагательного *linteus* «льняной»; родственные индоевропейские формы с долгим гласным основы (гот. *lein*, ирл. *lin*, алб. *lini*) Э. Перуцци вслед за авторами ряда этимологических словарей (16, с. 810; 17, с. 582—583; 18, с. 361) считает заимствованием из латыни (с. 90—94); *carbasus* «тонкая ткань» ~ греч. *χαρπασός* «то же» (надежного микенского соответствия нет); отсутствие ротацизма и редукция кратко *a* в середине слова оправдывается ссылкой на такие примеры, как *asinus* «осел», *casa* «хижина», *alacer* «бодрый» (с. 95—96); *rudens* «канат» ~ мик. *ru-de-a* «пегли, ремни, скрепы» (15, с. 491) и *rudei* *περίπλεχται* «переплетается» (Hes.) (с. 95—99).

«Сельское хозяйство» (гл. VI, р. 101—117; специально см. [5]): в *verractum* «поле под паром» автор видит композит, первая часть которого прослеживается также в glossах *urus* «окружность города», *vervo* «окружать», *amburbare* «опашивать плугом», греч. *ἄρος* (< *ἔρρος*) «граница, межевой камень», мик. *wo-uo* «участок земли», второй компонент — греч. *ἄκτιος* «необработанный», мик. *a-ki-ti-to*; поскольку микенское слово

не вполне соответствует по смыслу греч. *ἄκτιος* (*a-ki-ti-to* входит в число участников, с которых ожидался урожай [15, с. 470]). Э. Перуцци, предполагая для него значение «находящийся под паром», постулирует сочетание **vorros aktitos* «участок земли под паром» и выводит из последнего лат. *verractum*. Более того, на основании упомянутых gloss он ставит под сомнение источники (в частности, Serv. in Aen. 5, 755), говорящие об этрусском происхождении обряда опашивания основного города (с. 101—109); *juger* «участок земли, вспахиваемый упряжкой волов за день» Э. Перуцци отделяет от *jugum* «упряжка» и связывает с греч. *ζεύγος* «то же» на основании детерминатива ZE в текстах линейного письма B (с. 110—115), в котором ряд исследователей видит обозначение участка земли (другие считают, что он указывает на сорт зерна [15, с. 422—423]); *forbea*, согласно Фесту, тождественно по смыслу греч. *φορβή* «корм», мик. *po-qa* (= *phorwā*) «то же» (сюда же *φορβεία* «удила», мик. *po-ge-wi-ja* «то же») (с. 115—117).

«Религия» (гл. VII, с. 119—132): имя древнего италийского божества *Vica Pota* ~ мик. *wo-ko po-ti-ni-ja* (= *voikos potnijas*) «дом госпожи», т. е. «храм богини»; если *Pota* в смысловом отношении точно соответствует греч. *πότνια*, мик. *po-ti-ni-ja* «госпожа», то *Vica* объясняется как результат переосмысления основы **voiko-* «дом, поселение» (лат. *vicus*) по звуковой ассоциации с основой глагола *vincō* «побеждать» (перфект *vici* < **voikai*) (с. 120—126); в имени латинских жрецов *Luperci* Э. Перуцци предполагает обратное образование от *Lupercales* < **vlk^warkades* «волки-аркадцы» (с. 126—128); *februum* «сакрально-очистительное средство» ~ *φειβρόν* *καθαρόν* *εὐδές* «чистый, благоуханный» (Hes.) (с. 128—130, также [14, с. 108]); ряд сопоставлений (*tubus*, вариант *tuba* ~ *στόλος*, вар. *στόπη*; *capis* < *σχαφίς*) (см. с. 36—40, 49—51 рецензируемой книги); *biscar*, по Фесту, название особого вида ваз: мик. *go-u-ka-ra* «ваза в форме бычьей головы», сюда же детерминатив «бычья голова» в кносском перечне сосудов K 872. Позднейший греческий язык знает лишь формы *βοῦκερος*, *βοῦκράνιον*, давшие в латинском соответственно *bucerus* и *bucranium*; в словаре Эрну-Мейе без особой уверенности рассматривается *biscar* в качестве варианта *bucerus* [18, с. 77] (с. 130—131).

Таково вкратце содержание этой оригинальной но замыслу и методике исполнения книги. Основной методологический постулат автора, согласно которому лингвистическим (resp. филологическим) данным в кругу наук, изучающих этно- и глоттогенез, при отсутствии прямых собственно исторических текстов придается базовое значение, заслуживает самой активной поддержки, равно как и обращение к мифологической легенде, приобретающей в тех же условиях статус письменного текста. Однако Э. Перуцци зачастую слишком упрощенно понимает связь между историей как реальностью

и ее запечатлением в мифе, не учитывая особенностей мифо-поэтического текста, являющегося на определенном уровне единственно возможным способом фиксации действительности (см. об этом [19, с. 13]). По сути, предварительная исследовательская процедура Э. Перуцци сводится к сопоставлению различных вариантов предания и к восстановлению формально непротиворечивого «прото-текста», который затем переписывается в терминах, принятых в историческом описании. Естественно, что подобная работа, к тому же выдержанная в сугубо эвристическом плане, не может не вызывать возражений как по ряду конкретных этимологий, так и относительно конечных выводов.

Переходя к критическому разделу, отметим общий, как нам представляется, просчет автора. Придавая особое значение семантическим дефинициям сопрягаемых лексем, автор склонен без специальной аргументации искать причину смысловых изменений в заимствовании, в данном случае — из микенского, не исчерпав возможности объяснения конкретных фактов семантической эволюцией в рамках самого латинского языка. Показательный пример — *jugum* : *juger*, которые ранее еще никто, кажется, не пытался разединить. Э. Перуцци представляется странным, что *juger* не сохранило значения «упряжка», но его не удивляет потеря у *ῥέβος* значения «участок», якобы присущего ему в микенскую эпоху (хотя в последнем не может быть уверенности, пока нет согласия среди микенологов о значении детерминатива ZE). Относительно пары *clavis* : *clavus* уместно заметить следующее. Мнение о первичности смысла «гвоздь» [16, I, 229—230] кажется далеко не бесспорным. В большинстве индоевропейских языков основа **klaw-*/**klew-* не связывается с представлением о гвозде, она имеет лишь значения «преграда, затвор, ключ». Кроме приведенных греческих форм ср. также литов. *kliūjis* «препятствие», слав. *kľjušč* «ключ», нем. *Schlüssel* (с *s-mobile*) «то же», ср.-кипрск. *clo* «засов». Кроме латинского, понятие «гвоздь» с этой основой связывает древнеирландский, где имеем *clo* «гвоздь», однако здесь можно видеть либо заимствование, либо общую инновацию [ср. «неясное», по мнению Ю. Покорного, ср.-кипрск. *cloeu* (pl.) «clavi»] [20, с. 604]. Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов видят в данной основе семитское заимствование со значением «запирать» [21, с. 14], ср. возражения Н. М. Дьяконова [22, с. 24], вслед за Ю. Покорным [20, с. 604] считающего первичным значение «крюк», но не «гвоздь». Формы *clavus* и *clavis* этимологически разграничивает также О. Хаас, однако он, наоборот, *clavis* считает исконно латинским словом, а *clavus* объединяет с *clava* «булава», реконструируя для раннеиталийского **klav-* < и.-е. **globh-*, ср. др.-в.-нем. *kolbo* «дубина» [23, с. 33—34]. *Trabs* «брус, балка», имея ряд хороших соответствий как в итальянских языках (оскск. *tribuitum* «дом», *tribaracavum* «строить»), так и в других языках Европы (ирл. *treb* «жилище», литов. *troba* «строение»,

др.-исл. *þorp* «маленький хутор», др.-в.-нем. *dorf* «деревня») [16, II, с. 696; 18, с. 698], не пуждается ни в каких объяснениях через греческое заимствование. То же можно сказать о *furca* «раздвоенная жердь» — обратном образовании от псевдоуменьшительного *furcula*, точно соответствующего литов. *žirkles*, лтш. *zīrkles* «то же» [16, I, с. 569; 24, с. 1314]. Впрочем, сам Э. Перуцци ставит под сомнение микенское происхождение слов *furca* и *fenestra* [14, с. 109]. Сближение последнего слова с *fenum* «сено», несмотря на свое остроумие, убедительной этимологии все-таки не дает [ср. 16, I, с. 479; 18, с. 225]. Таким образом, в разделе «Строительство», к сожалению, не оказывается ни одного надежного сопоставления. Этимология галакса *forbea* невозможна без учета глоссы *fordea omnis herba* «любая трава». Неясно, представляют ли эти слова варианты *herba*, также не имеющего этимологии [16, I, с. 526, 639 и сл.; 18, с. 291]. Что касается отношения к греч. *φορβή* «корм», *φέρβω* «есть» (ср. др.-инд. *bhārvati* «поедать», др.-исл. *bergja* «пробовать» [17, с. 1020]), то словари Вальде — Гофмана и Эрну — Меёе достаточно обоснованно видят здесь лишь конструкцию ученого грамматика [16, I, с. 526; 18, с. 246]. Однако, в отличие от авторов указанных словарей, мы не склонны считать само слово *forbea* позднейшим образованием, появившимся в результате сближения *φορβή* и *herba*, и не разделяем скептицизма словаря Вальде — Гофмана по отношению к возможности связи с *fordeum*, вар. *hordeum* «ячмень», имеющим хорошую индоевропейскую этимологию. (ср. др.-в.-нем. *gersta* «ячмень», греч. *χρῆβή* «то же», пехл. *džurtāk* «хлеб») [16, I, с. 640, 656 и сл.]

Лексема *linteus*, согласно словарю Эрну — Меёе [18, с. 361—362], — действительно, трудный случай латинской этимологии. В этой связи следует отметить: 1) постулированные Э. Перуцци фонетические критерии выделения микенской лексики к данному слову не применимы, и, даже в случае заимствования, его нельзя с уверенностью отнести к микенской эпохе; 2) поскольку происхождение этой основы в латыни связано с общей проблемой распространения *ι* культуры льна [18, там же], не следует а priori, как это делает Э. Перуцци, отбрасывать гипотезу о субстратном источнике. Необходимо также учитывать балто-славянские формы с кратким гласным основы [слав. *lǫnъ* «лѣн», литов. *linai* (pl.) «то же»]; кроме того, в тени остается связь с др.-инд. *lināḥ* «мягкий»; др.-исл. *linr* «то же» [17, с. 582—583]. Поскольку коррелят слову *τῆβεννος*, вар. *τῆβεννα* в латыни не засвидетельствован, оно должно быть исключено из списка возможных микенско-латинских соответствий (хотя к проблеме балкано-италийских культурных связей оно может иметь самое прямое отношение).

Кажется вполне приемлемой предложенная Э. Перуцци этимология *balteum* «перевязь» < греч. *παλῶν* «метательное оружие, дротик». Однако неясно, почему он относит это заимствование к микен-

ской эпохе и отвергает возможность этрусского посредничества при его передаче, о котором прямо говорил Варрон (согласно Char. I, 77). Традиционное мнение об отсутствии в этруском звонких смычных давно подвергнуто серьезному пересмотру А. Девином в его реконструкции этрусской фонологической системы, где для начала слова постулируется свободное варьирование по глухости — звонкости [25]. Э. Перуцци справедливо замечает, что в этруском греческие основы на *-eu-* отражаются в виде основ на *-e/-ei-* (с. 61). Однако в слове *balteum* как и в приводимых Э. Перуцци примерах на соответствие лат. *-eu-* ~ греч. *-eo-*, *-eio-*, *-eo-* (ср. *cinēus* «клин» < *κῑνῑος* «то же», *caduceus* «жезл Меркурия» < *καρχῑκῑον* «то же»), уместно видеть вторичную тематизацию заимствованных из этрусского основ на *-e/-ei-* (ср. список возможных латинских заимствований из этрусского с исходом на *-eu-*, составленный А. Эрну [26, с. 43 и сл.]).

Относительно лат. *tuba* «труба» и греч. *στόπος* «ствол» прежде всего отметим, что словарь Ю. Покорного на основании глосс *στούβῳ· βροντῆι* «ударять громом» и *στούβῳ· βροντῆι* *φορεῖ*, *σθεῖ* «ударять громом, толкать, бить» (Hes.) включает эту основу, явно параллельную основе глагола *τύπτω* «бить», вместе с ее индоевропейскими соответствиями (др.-исл. *stufi* «ствол», лтш. *stups* «то же» и т. д.) в число корней с *s-mobile* [20, с. 1034]. Далее форма *στούβῳ* обнаруживает придыхательный в исходе основы, в связи с чем можно рассматривать соответствие **(s)tiup-*: **(s)tiubh-* как точный аналог семантически близкой группы корней **steip-*: **steib(h)-*: греч. *στῑβῑρός* «прочный», др.-инд. *stibhi-* «пучок», лат. *stipes* «ствол», литов. *stiebas* «то же», слав. *stěbъ* «стебель» [20, с. 1015—1016], ср. в латинском соотношение между *tuba* «труба» и *tibia* «труба, флейта», по поводу которых словарь Вальде—Гофмана допускает родство, словарь Эрну—Мейе считает оба слова техническими терминами неизвестного происхождения [16, II, с. 712; 18, с. 691, 709]. Таким образом, лат. *tuba* и греч. *στόπος* могут оказаться исконно родственными основами. Вследует, впрочем, забывать об интересной попытке О. Хааса связать *tuba* как раннеиталийскую основу (< н.-е. **dhoudha*) со слав. *duda* «дудка», литов. *daudytė* «то же» [23, с. 27—28].

О названиях сосудов *capula* и *capis* можно заметить: 1) что *capula* имеет индоевропейские параллели, позволяющие поставить под сомнение как заимствование слова из греческого, так и изначальность придыхательного в его основе, ср. др.-инд. *kapālam* «чаша; череп», др.-англ. *hafola* «голова» [16, I, с. 160]; 2) традиционная этимология *capis*, признающая заимствование из греческого и объясняющая утрату начального *s-* народно-этимологическим сближением с *caprio* «обрать, черпать» [18, с. 97], представляется не хуже предлагаемой Э. Перуцци, поскольку больше ни одного примера на постулируемое соответствие мин. *-sk-* ~ лат. *-с-* им не приводится.

Необоснованным выглядит утверждение о производности формы *Luperci* от *Luperales* (якобы < **ulh^u* *arkades*). Сама гипотеза Э. Перуцци о генетической близости италийских и балканских волчьих культов [2, с. 14—27] нам кажется правдоподобной, но лишь при условии, что из числа возможных этимологий слова *Luperci* [18, с. 370] будет избрано истолкование его в качестве композита **Lup-hirci* «волко-козлы», в связи с волчьим и козьим образом Фавна, козьими шкурами на телах нагих луперков, представлявших волков, и т. д. Со своей стороны мы полагаем целесообразным привлечь известную этимологию имени *Faunus*, восходящую к балканскому обозначению хищного зверя, волка: фрнг. *δῑός· λύκος* «волк» (Hes.), фрак. этноним. *Δῑοι*, др.-мак. *θαῖνός· θηρίον* «зверь» (Hes.), ср. *θαῖνός ἢ θαῖλος· ὁ ἄρης* *Μακεδόνος* «Арес по-македонски» (Hes.) [27, с. 35—36], греч. *θῑς* «шакал» [28, I, с. 701; 29, с. 450]. Э. Перуцци эту этимологию игнорирует, указывая лишь на вторичный параллелизм с аркадским именем Пана — *παῶν* (надпись) (с. 128), хотя она дает основание говорить о древних балканских истоках луперкалий, что могло отразиться в легенде о введении их аркадянами. Ср. античную традицию об аркадянах, изображающую их древним племенем, «родившимся прежде луны», и приписывающую им ритуальную антропологию в качестве характерной приметы волчьего культа (Lucorph. Alex. 481—483). По-видимому, речь должна идти о гораздо более древнем уровне итало-балканских связей, чем это полагает Э. Перуцци.

С формальной стороны не вызывают возражений этимологии *vervactum* «поле под паром» и теонима *Vica Pota*. Однако в первом случае попытка отрицать этрусское происхождение обряда опахивания представляет умозаключение от причины к следствию, а во втором — этимология, затрагивая проблему возможных звуковых ассоциаций, связанных с теонимом, требует ряда серьезных семантических допущений, способных уравновеситься лишь поддержкой со стороны культурного контекста. В настоящее время эти сопоставления могут рассматриваться в качестве не более чем интересных гипотез, нуждающихся в дальнейшем обосновании.

Достаточно правдоподобно выглядит этимологии, предложенные Э. Перуцци для слов *buxus* «самшит», *cisres* «острие», *bractea* «металлическая пластинка», *fidēs* «струны», *rudens* «канат», *carbassus* «тонкая ткань», может быть, *februum* «очистительное средство», название вазы *bucar*, если последнее слово, тесно связанное с греческим экспортом, не представляет варианта *biscus*. Возможно, не случайно эти слова (кроме *bucar*), как и их греко-микенские корреляты, не располагают удовлетворительными индоевропейскими этимологиями. Единственно *κάρπας* имеет параллель в др.-инд. *karpāsah* «шелк», но для него, наряду с греческой формой, М. Майрхофер предполагает, со ссылкой на В. Пор-

цига, происхождение из общего «догреческо-средиземноморского или малоазийского» субстратного источника [30, с. 174—175]. Относительно пары $\xi\phi\omicron\varsigma$: $qi-si-pe$. Л. Палмер постулирует независимое происхождение из негреческого источника [31, с. 358]. Словарь Эрну — Меие в качестве заимствований трактует *buzus*, *fides*, *rudens* [18, с. 79, 232—233, 579]. Кстати, Э. Перуцци признает невозможность однозначного мнения о происхождении мик. *pa-ra-ke-te-a*, лат. *bractea* [14, с. 109]. Таким образом, данные этимологии, вопреки равнодушию Э. Перуцци к идее неиндоевропейских субстратов, пробуждают интерес именно к этой проблеме.

Итак, затронутый Э. Перуцци вопрос о присутствии микенских греков в Лациуме остается открытым. Характер фактической базы накладывает на его разрешение закономерные ограничения, снижающие доказательную силу лингвистических корреспонденций. Критерием достоверности лингвистических показаний в подобных условиях могли бы служить более массовые микенские археологические материалы, чем это наблюдается в настоящее время². Однако выявленная совокупность слов, относящихся к металлическим изделиям, корабельному делу, сакральной утвари, общим для латинской и греческой древней культурной лексики (в том числе засвидетельствованной в текстах линейного письма В), несомненно, привлечет внимание к специфическим связям древнейшей поры Апеннинского полуострова с микенской и даже более ранней Грецией, а также Восточным Средиземноморьем в целом.

Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л.

ЛИТЕРАТУРА

1. Peruzzi E. Origini di Roma. I—II. Bologna, 1970—1973.
2. Peruzzi E. Aspetti culturali del Lazio primitivo. Firenze, 1978.
3. Маяк И. Л. Проблема возникновения Рима в исследованиях Э. Перуцци. — ВДИ, 1975, № 4.
4. Маяк И. Л. — ВДИ, 1980, № 3. — Рец. на кн.: Peruzzi E. Aspetti culturali del Lazio primitivo.
5. Peruzzi E. Agricoltura micenea nel Lazio. — Minos, 1975, XIV, fasc. 1—2.
6. Peruzzi E. Prestiti micenei in latino. — In: Studi urbinati di storia, filosofia e letteratura, 1973, XLVII. Supplemente linguistico 1, 1975.
7. Peruzzi E. I micenei sul Palatino. — La parola del passato, 1975, XXIX, fasc. 158—159.
8. Peruzzi E. Etimologie latine. — In:

- Rivista di filologia e di istruzione classica, 1975, CIII, fasc. 3.
9. Peruzzi E. Τῆβρυνα. — Euphrosyne, 1975—1976, VII.
 10. Peruzzi E. Appunti di etimologia latina. — Euphrosyne, 1977, VIII.
 11. Peruzzi E. Lat. *clāvis*. — In: Antichità cretesi, 1978, 1.
 12. Peruzzi E. An etymology between Pylos and Gabii. — In: Studi micenei ed egeo-anatolici, 1978, XIX.
 13. Peruzzi E. I greci e le lingue del Lazio primitivo. — In: Popoli e civiltà del Italia antica. VI. Roma, s. a.
 14. Перуцци Э. Микенские языковые элементы в латыни. — ВЯ, 1975, № 5.
 15. Ventris M., Chadwick J. Documents in Mycenaean Greek. 2nd ed. Cambridge, 1973.
 16. Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3. Aufl. von J. B. Hoffmann. I—III. Heidelberg, 1938—1956.
 17. Boisacq E. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. 4-ième ed. Heidelberg — Paris, 1950.
 18. Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. 4-ième ed. Paris, 1979.
 19. Гиндин Л. А. Гом. Κῦττοι в конкретно-исторической интерпретации. — В кн.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы языковых контактов. М., 1983.
 20. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Bern 1959.
 21. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема. Временные и ареальные характеристики общиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным. — ВДИ, 1980, № 3.
 22. Дьяконов И. М. О прародине носителей индоевропейских диалектов. I. — ВДИ, 1982, № 3.
 23. Haas O. Das frühitalische Element. Wien, 1960.
 24. Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I—II. Heidelberg, 1955—1965.
 25. Devine A. Etruscan language studies and modern phonology: the problem of the aspirates. — In: Studi etruschi, 1974, 42.
 26. Ernout A. Les éléments étrusques en vocabulaire latin. — In: Ernout A. Philologica. I. Paris, 1946.
 27. Mayer A. Die Sprache der alten Illyrier. II. Wien, 1959.
 28. Frisk H. J. Griechisches etymologisches Wörterbuch. I—II. Heidelberg, 1960—1970.
 29. Chantraine F. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. I—IV. Paris, 1968—1980.
 30. Mayrhofer M. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch der Altindischen. Bd. I. Heidelberg, 1956.
 31. Palmer L. The interpretation of Mycenaean Greek texts. Oxford, 1963.
 32. Гиндин Л. А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан. Фрако-хетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы. София, 1981.

² Ср. систему взаимоподдерживающих лингвистических и археологических аргументов в пользу превалирующего протофракийского компонента в составе населения гомеровской Трои, в свое время развернутую одним из авторов рецензии [32, с. 117—168, 185—188].